

СЛУЧАЙ
ЧАРЛЬЗА ДЕКСТЕРА
ВАРДА

Главные Соки и Соли (сиречь Зола) животных таким Способом приготовляемы и сохраняемы быть могут, что Муж Знающий в силах собрать в Доме своем весь Ноев Ковчег, вызвав к жизни из праха Форму любого Животного по Желанию своему; подобным же Способом из основных Солей, содержащихся в человеческом Прахе, Философ может, не прибегая к запретной Некромантии, воссоздать Форму любого Усопшего Предка, где бы его Тело погребено ни было.

Бореллий

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РАЗВЯЗКА И ПРОЛОГ

1

Недавно из частной психиатрической клиники доктора Вейта, расположенной в окрестностях Провиденса, штат Род-Айленд, бесследно исчез чрезвычайно странный пациент. Молодой человек — его звали Чарльз Декстер Вард — был с большой неохотой отправлен в лечебницу убитым горем отцом, на глазах у которого умственное расстройство сына развивалось от невинных на первый взгляд странностей до глубочайшей мании, таившей в себе перспективу буйного помешательства либо полного перерождения личности. По признанию врачей, этот случай поставил их в тупик, поскольку в нем наблюдались необычные элементы как физиологического, так и сугубо психического свойства.

Прежде всего, пациент казался старше своих двадцати шести лет. Бесспорно, душевные болезни быстро старят, но здесь дело было не столько в его внешности, сколько в том едва уловимом выражении, какое обычно появляется лишь на лицах глубоких стариков. Во-вторых, жизненные процессы его организма протекали совершенно особенным образом, прежде неизвестным в медицинской практике. В дыхательной и сердечной деятельности больного наблюдалась загадочная аритмия; он почти лишился голоса и мог только шептать; пищеварение было до крайности замедленным, а нервные реакции на простейшие внешние раздражители не имели ничего общего со всеми

наблюдавшимися ранее реакциями, будь они нормальными или патологическими. Кожа стала неестественно холодной и сухой; лабораторные исследования срезов тканей показали, что они приобрели необычную грубость и рыхлость. Большая овальная родинка на правом бедре рассосалась, а на груди появилось очень странное черное пятно, которого прежде не существовало. В целом все обследовавшие его врачи сходились во мнении, что процесс обмена веществ у Варда практически затормозился, и не могли найти этому феномену ни прецедента, ни какого-либо объяснения.

С точки зрения психики случай Чарльза Варда также был единственным в своем роде. Его безумие не походило ни на одну душевную болезнь, описанную даже в самых подробных и авторитетных научных источниках, и сопровождалось расцветом умственных способностей, которые могли бы сделать его гениальным ученым или выдающимся общественным деятелем, если бы не приняли столь неестественную и даже уродливую форму. Доктор Виллет, домашний врач Вардов, утверждает, что объем знаний его пациента в областях, выходящих за пределы его мании, неизмеримо возрос с начала болезни. Нужно сказать, что Вард всегда питал склонность к научным занятиям, и особенно к изучению старины, но даже в самых блестящих из его ранних работ не видно той удивительной точности суждений и того умения вникнуть в самую суть предмета, которые он позднее обнаружил в разговорах с психиатрами. При наличии у молодого человека столь выдающихся способностей было нелегко добиться разрешения на его госпитализацию; и только ввиду засвидетельствованных многими людьми странностей поведения, а также незнания им самых элементарных вещей, что казалось невероятным при его интеллекте, Вард был наконец помещен под наблюдение в лечебницу для душевнобольных. До самого момента исчезновения он читал за-

поем и был блестящим собеседником, насколько это позволял его голос, на каком-то основании иные проницательные личности, и в мыслях не державшие возможность его побега, во всеуслышание предсказывали, что пребывание Варда в больничных стенах не затянется.

Только доктора Виллета, который в свое время помог Чарльзу Варду появиться на свет и с тех пор наблюдал за его телесным и духовным развитием, казалось, пугала сама мысль о выписке этого пациента из клиники, ибо доктору довелось пережить ужасные вещи и сделать чудовищные открытия, о которых он не решался поведать своим скептически настроенным коллегам. По правде говоря, сама по себе связь Виллета с этим случаем довольно таинственна. Он был последним, кто видел пациента и общался с ним, причем по выходе из комнаты Варда лицо доктора выражало ужас и в то же время облегчение. Многие вспомнили об этом через три часа, когда стало известно, что больной сбежал. Обстоятельства этого бегства так и остались тайной, которую в клинике доктора Вейта никто не смог разгадать. Правда, окно в комнате было открыто, но оно выходило на отвесную стену высотой в шестьдесят футов. Как бы то ни было, после разговора с доктором Виллетом молодой человек исчез. Сам Виллет не представил каких-либо объяснений, но странным образом казался спокойнее, чем до бегства Варда. Чувствовалось, что он охотно рассказал бы о пациенте намного больше, но опасается, что ему просто не поверят. Доктор еще застал Варда в комнате, но после его ухода санитары долго стучались в запертую дверь, не получая ответа. Когда они наконец проникли в комнату, больного там уже не было. Им удалось найти лишь кучку мелкого голубовато-серого порошка, и они едва не задохнулись, когда холодный апрельский ветер, дувший из распахнутого настежь окна, разнес порошок по комнате. Многие также отмечали жуткий вой, внезапно поднятый окрестными со-

баками, однако это произошло в то время, когда доктор Виллет еще находился в комнате; позднее же, в предполагаемый момент бегства, собаки вели себя спокойно. О побеге сразу же сообщили отцу Чарльза, но тот, казалось, был не столько удивлен, сколько опечален. Когда доктор Вейт позвонил Варду-старшему, тот уже был в курсе событий, поскольку его успел проинформировать Виллет; оба решительно отрицали, что имеют какое-либо отношение к бегству. Кое-какую дополнительную информацию о Чарльзе удалось получить от близких друзей Виллета и Варда-старшего, но эти сведения выглядели слишком фантастическими для того, чтобы внушать доверие. Единственно неоспоримым остается лишь тот факт, что до сего времени так и не обнаружено никаких следов пропавшего безумца.

Чарльз Вард с детства очень интересовался стариной, испытывая особое влечение к древним кварталам родного города и к реликвиям прошлого, которыми был наполнен старинный дом его родителей на Проспект-стрит, стоявший на самой вершине холма. С годами его преклонение перед всем, связанным с прошлым, лишь усиливалось; так что история, генеалогия, изучение архитектуры, мебели и ремесел колониального периода вытеснили все другие его интересы. Эти склонности нужно всегда иметь в виду, анализируя его душевную болезнь, ибо хотя они и не были ее источником, но сыграли важную роль в ее последующих проявлениях. Все отмеченные психиатрами провалы в памяти касались исключительно современных реалий, компенсируясь обширными, хотя и тщательно скрывааемыми пациентом знаниями о самых разных вещах, относящихся к прошлому, — зачастую эти знания выявлялись лишь в ходе специального врачебного опроса. Казалось, пациент мысленно переносился в отдаленные века, обладая неким подобием ясновидения. Однако с развитием болезни Вард, судя по всему, перестал интересоваться антиквариатом. Он утратил

былое почтение к старине, теперь относясь к ней как к чему-то известному и даже надоевшему; и все его усилия были направлены на познание обычных реалий современного мира, которые, как в этом убедились врачи, полностью изгладилась из его памяти. Он тщательно скрывал свое незнание общеизвестных вещей, но всем наблюдателям было ясно, что выбор им книг для чтения и его беседы с окружающими отмечены лихорадочным стремлением впитать эти факты, как можно больше узнать о собственной, забытой им биографии, особенностях повседневной жизни и культуры XX столетия, которые он и без того должен был хорошо знать, ибо родился в 1902 году и получил вполне современное образование. После его бегства психиатры выражали сомнение, что он сможет адаптироваться в окружающем мире, почти ничего об этом мире не зная. Некоторые считали, что он «ушел в подполье» и затаился, временно удовлетворившись самым скромным существованием, пока не сравняется знаниями со своими современниками.

Медики расходятся во мнениях относительно того, когда впервые проявилось безумие Варда. Доктор Лайман, бостонская знаменитость, утверждает, что это произошло в 1919 или 1920 году, когда юноша закончил школу Мозеса Брауна и внезапно перешел от изучения прошлого к занятиям оккультными науками, отказавшись сдавать выпускные экзамены на том основании, что занят исследованиями, которые для него гораздо важнее. Это подтверждалось резким изменением привычек Варда — он стал проводить много времени, роаясь в городских архивах и разыскивая на старых кладбищах могилу одного своего предка по имени Джозеф Карвен, погребенного в 1771 году. Кое-что из личных бумаг этого человека Вард, по его собственному признанию, случайно обнаружил в старом квартале Стемперс-Хилл, за облицовкой стены ветхого дома в Олни-Корт, где некогда обитал Карвен. Как бы то ни было, не подлежит сомнению

тот факт, что зимой с 1919-го на 1920 год в характере Чарльза Варда произошла бесспорная перемена: он внезапно прекратил свои изыскания по истории колониального периода и со всей страстью погрузился в тайны мистических наук, изучая их как на родине, так и за границей, и настойчиво продолжал поиски могилы своего далекого предка.

Однако доктор Виллет ни в коей мере не разделяет мнение Лаймана, основывая собственные выводы на близком и длительном знакомстве с пациентом, а также на неких рискованных исследованиях и ужасных открытиях, которые были им сделаны за последнее время. Все это сильно отразилось на состоянии доктора: голос его прерывается, когда он говорит о тех событиях, а рука сильно дрожит, когда он пытается изложить их на бумаге. Виллет допускает, что изменения, происшедшие в 1919–1920 годах, ознаменовали начало прогрессирующего ухудшения, завершившегося в 1928 году страшной и неестественной трансформацией, но на основе личных наблюдений отмечает здесь более тонкое различие. Признавая, что Чарльз всегда отличался неуравновешенным характером и был склонен слишком бурно реагировать на окружающее, он отказывается согласиться с тем, что происшедшая ранее перемена ознаменовала переход от нормального состояния к болезни; вместо этого он склонен поверить самому Варду, утверждавшему, что он открыл или воссоздал нечто, оказывающее глубокое и удивительное воздействие на человеческую природу.

Доктор Виллет уверен, что истинное безумие началось позже, когда Вард отыскал портрет Карвена и старинные документы; после путешествия за границу, в далекие таинственные уголки света, где во время совершения неведомых обрядов были произнесены ужасные заклинания, на которые откликнулись страшные силы; после того, как при неизвестных обстоятельствах измученный и полный страха

юноша написал свое отчаянное письмо. Истинное безумие Варда, полагал доктор, началось после эпидемии вампиризма и серии необъяснимых происшествий, о которых много говорили в Потаксете, когда из памяти пациента стали выпадать сведения, связанные с современностью, когда он лишился голоса и организм его претерпел на первый взгляд незначительные изменения, позднее замеченные всеми.

Виллет настаивает, что именно с этого времени Вард приобрел некоторые свойства, которые обычным людям могут привидеться разве что в кошмарном сне; по его словам, существуют достаточно солидные свидетельства, подтверждающие слова юноши о находке, которой суждено было сыграть роковую роль в его жизни. Прежде всего, двое строительных рабочих, надежные и наблюдательные люди, присутствовали при обнаружении старинных бумаг, принадлежавших Джозефу Карвену. Во-вторых, Вард, тогда еще совсем юный, однажды показал доктору эти бумаги, в том числе страничку из дневника Карвена, и подлинность их не вызывала никакого сомнения. Сохранилось отверстие в стене, где Вард, по его словам, нашел документы, и доктор Виллет навсегда запомнил тот миг, когда видел их в последний раз при обстоятельствах, реальность которых трудно осознать и невозможно доказать. К этому следует добавить полные скрытого смысла совпадения в письмах Орна и Хатчинсона; странности, связанные с почерком Карвена; сведения о некоем докторе Аллене, добытые детективами, а также послание, написанное средневековыми угловатыми буквами и обнаруженное доктором Виллетом в своем кармане, когда он очнулся от забытья после одного смертельно опасного приключения.

Но самым убедительным является результат, достигнутый доктором, когда он применил формулу, выявленную в ходе его последних изысканий, — результат, неопровержимо доказавший подлинность бумаг и их чудовищное значение, хотя сами бумаги стали навеки недоступны людям.

Чарльз Вард провел юные годы в атмосфере столь любимой им старины. Осенью 1918 года он поступил на первый курс школы Мозеса Брауна, что неподалеку от его дома, выказав похвальное рвение в обязательной для того времени военной подготовке. Старинное главное здание школы, возведенное в 1819 году, всегда привлекало юного историка; ему нравился и живописный обширный парк, окружавший школу. Мало бывая в обществе, большую часть своего времени он проводил дома, часто совершал долгие прогулки, прилежно учился и маршировал на плацу. При этом он не оставлял своих исторических и генеалогических изысканий в городском архиве, мэрии и ратуше, публичной библиотеке, Атенеуме, Историческом обществе, в библиотеке Джона Картера Брауна и Джона Хея в университете Брауна, а также в недавно открытой библиотеке Шепли на Бенефит-стрит. Это был высокий, худощавый и светловолосый юноша с серьезными глазами; он немного сутулился, одевался с легкой небрежностью и производил впечатление не очень привлекательного, неловкого, но вполне приличного молодого человека.

Его прогулки всегда представляли собой нечто вроде путешествия в прошлое, и ему удавалось из множества деталей, оставшихся от былого великолепия, воссоздавать картину ушедших веков. Варды занимали большой особняк в георгианском стиле, стоявший на довольно крутом холме к востоку от реки. Из задних окон своего флигеля Чарльз мог с головокружительной высоты любоваться тесно сгруппированными шпилями, куполами и остроконечными кровлями Нижнего города, раскинувшегося на фоне пурпурных холмов и полей предместий. В этом доме он родился, и отсюда, из красивого классического портика с двойным рядом колонн, няня впервые выкатила его в колясочке, чтобы затем провезти мимо маленькой белой фермы, построенной

два века тому назад и давно уже поглощенной городом, к солидным зданиям колледжей, выстроившихся вдоль respectable улицы, где квадратные кирпичные особняки и деревянные здания поменьше, с узкими портиками, обрамленными колоннами в дорическом стиле, дремали, отгородившись от мира щедро отмеренными пространствами садов и цветников.

Его катали в колясочке и вдоль сонной Конгдон-стрит, расположенной на крутом склоне холма, так что по ее восточной стороне дома поднимались крутыми уступами. Эти небольшие деревянные дома сохранились с тех времен, когда растущий город карабкался вверх по холму, и во время таких прогулок маленький Вард постигал колорит старого поселения времен колонизации. Няня обычно любила посидеть на скамейке у Проспект-Террас и поболтать с полицейским; одним из первых детских воспоминаний Варда было подернутое легкой туманной дымкой море крыш, куполов и шпилей, простирающееся к западу, и дальние холмы, которые он увидел однажды в зимний день с этой огромной огороженной террасы окрашенными в мистический фиолетовый цвет на фоне горящего красным, золотым и пурпурным огнем апокалипсического заката, подцвеченного странными зелеными лучами. Высокий мраморный купол ратуши выделялся сплошной темной массой, а венчавшая его статуя, на которую упал случайный солнечный луч из разрыва в облаках на пылающем небе, была окружена фантастическим ореолом.

Когда Чарльз подросток, начались его бесконечные прогулки; сначала мальчик нетерпеливо тащил за руку свою няню, а потом уже ходил один, предаваясь мечтательному созерцанию. Он устремлялся наудачу все ниже и ниже по крутому склону, каждый раз достигая все более древних и удивительных уголков старого города. Предвкушая новые открытия, он недолго колебался перед тем, как спуститься

по почти отвесной Дженкс-стрит, где дома были ограждены каменными заборами, а вход затеняли навесы в колониальном стиле, до тенистого уголка Бенефит-стрит, где прямо перед ним возвышался древний дом — настоящий музейный экспонат с двумя входами, каждый из которых окружали пилястры в ионическом стиле; рядом — почти «доисторическое» строение с двускатной крышей, с остатками скотного двора и других фермерских пристроек, а чуть поодаль — грандиозный особняк судьи Дюффри в блеске былого георгианского величия. Сейчас это уже были трущобы; но гигантские тополя бросали вокруг живительную тень, и мальчик шел дальше к югу, вдоль длинных рядов зданий, возведенных еще до Революции, с высокими трубами в самой середине дома и классическими порталами. На восточной стороне улицы они стояли на высоких фундаментах, а к дверям вели два марша каменных ступеней, и маленький Вард мог представить себе, как выглядели эти дома, когда улица была еще совсем молодой, — он словно видел красные каблуки и пудренные парики людей, идущих по каменной мостовой, сейчас почти совсем стертой.

С западной стороны холма почти такой же крутой склон вел к старой Таун-стрит, которую основатели города заложили вдоль берега реки в 1636 году. Этот склон прорезали бесчисленные тропинки, вдоль которых скупились полуразвалившиеся ветхие домишки, построенные в незапамятные времена. Как ни очарован был ими Чарльз, он далеко не сразу осмелился спуститься в этот древний лабиринт, боясь, что они окажутся лишь призрачными видениями либо вратами в неведомый ужас. Он считал гораздо менее рискованным продолжать свои прогулки вдоль Бенефит-стрит, где за железной оградой прятался двор церкви Святого Иоанна, мимо построенного в 1761 году здания колониальной администрации и полуразвалившегося постоянного двора «Золотой шар», в котором когда-то останавливался Вашингтон.

Стоя на Митинг-стрит — прежде именовавшейся Тюремной, а позднее Королевской улицей, — он смотрел вверх на восток и видел изгибающуюся дугой лестницу, в которую переходило шоссе; внизу, на западе, он различал старое кирпичное здание школы, напротив которого, через дорогу, до Революции висела старинная вывеска с изображением головы Шекспира на доме, где печатались «Провиденс газетт» и «Кантри джорнал». Потом шла изысканная Первая Баптистская церковь постройки 1775 года, особую красоту которой придавали несравненная колокольня в стиле Гиббса, георгианские кровли и купола. Отсюда к югу состояние улиц заметно улучшалось, появлялись группы небольших особнячков; но все еще много было давным-давно протоптанных тропинок, которые вели по крутому склону вниз на запад, где скученные дома с архаичными островерхими крышами казались призрачными, находясь на разных стадиях живописного разложения. Эти дома стояли там, где извилистая набережная и старый порт, казалось, еще помнили эпоху колонизации с ее пороками, богатством и нищетой. Здесь на полусгнивших верфях светили мутноглазые корабельные фонари, а улочки носили многозначительные названия: Добыча, Слиток, Золотой переулок, Серебряный тупик, Монетный проезд, Дублин, Соверен, Гульден, Доллар, Грош и Цент.

Когда Вард стал немного старше и уже отваживался на более рискованные приключения, он иногда спускался в этот водоворот покосившихся и готовых рухнуть домишек, сломанных шпангоутов, угрожающе скрипящих ступеней, шатающихся перил, черных от загара и грязи лиц и неведомых запахов; он проходил от Саут-Мейн до Саут-Уотер, забредая в доки, где, вплотную соприкасаясь бортами, доживали свой век старые пароходы, и возвращался северной дорогой вдоль берега, мимо построенных в 1816 году складов с крутыми крышами и сквера у Большого моста, близ

которого выгибало свои арки все еще крепкое здание городского рынка, построенное в 1773 году. В этом сквере он останавливался, впитывая в себя пьянящую красоту старого города, что возвышался на востоке в смутной дымке тумана, прорезываемого шпилями колониальных времен и увенчанного массивным куполом новой церкви «христианской науки», как Лондон увенчан куполом храма Святого Павла. Больше всего ему нравилось приходить сюда перед закатом, когда косые лучи солнца падают на здание городского рынка, на ветхие кровли на холме и стройные колокольни, окрашивая их золотом, придавая волшебную таинственность сонным верфям, где раньше бросали якорь купеческие корабли, приходившие в Провиденс со всего света. После долгого созерцания он ощущал, как кружится голова от щемящего чувства любви к этой прекрасной картине. Тогда он поднимался по склону, возвращаясь домой уже в сумерках, мимо старой белой церкви, по узким крутым улочкам, где желтый свет уже просачивался сквозь маленькие окошки, расположенные высоко над двумя маршами каменных ступеней с перилами кованого чугуна.

Позже в ходе своих прогулок Вард стал выказывать предпочтение резким контрастам. Часть времени он посвящал пришедшим в упадок кварталам колониального времени к северо-западу от дома, где находился нижний уступ холма — Стемперс-Хилл с его гетто и негритянским кварталом, расположенным вокруг станции, откуда прежде отправлялись почтовые кареты до Бостона. Затем он шел в иную часть города, царство красоты и изящества, на Джордж-, Бенволент-, Пауэр- и Вильямс-стрит, где зеленые склоны хранят в первозданном виде роскошные особняки и обнесенные стенами сады, а наверх ведет крутая, затененная густой зеленью дорога, с которой связано столько приятных воспоминаний. Все эти скитания, вкуче с прилежным изучением исторических документов, бесспорно способствовали тому,

что Вард приобрел необычайно широкую эрудицию во всем, что касалось старины, и эти знания в конце концов полностью вытеснили современный мир из сознания Чарльза; они подготовили почву, на которую в роковую зиму 1919/20 года пали семена, давшие столь необычные и ужасные всходы.

Доктор Виллет уверен, что до этой злополучной зимы, когда были отмечены первые изменения в характере Варда, его занятия стариной не содержали ничего патологического и мистического. Кладбища привлекали его лишь оригинальностью памятников и своей исторической ценностью; в нем не замечалось ничего похожего на страсть к насилию, не было никаких проявлений жестоких инстинктов. Затем, постепенно и почти незаметно, стали обнаруживаться любопытные последствия одного из его самых блестящих генеалогических открытий, которое он сделал годом ранее, обнаружив, что среди его предков по материнской линии был некий Джозеф Карвен, проживший необычайно долгую жизнь. Карвен приехал в Провиденс из Салема в марте 1692 года, и о нем передавали шепотом множество странных и внушающих ужас историй.

Прапрадед Варда, Велкам Поттер, в 1785 году взял в жены некую Энн Тиллингест, дочь миссис Элизы и внучку капитана Джеймса Тиллингеста, о котором в семье не осталось никаких воспоминаний. В конце 1918 года молодой любитель истории и генеалогии, изучая городские акты, обнаружил запись об узаконенном властями изменении фамилии: в 1772 году миссис Элиза Карвен, вдова Джозефа Карвена, а также ее семилетняя дочь Энн вернули себе девичью фамилию матери — Тиллингест. «Понеже имя ее Супруга звучит как Упрек в устах местных жителей по Причине того, что стало известно после его Кончины; последняя подтвердила дурную славу, за ним по общему Мнению укрепившуюся, чему не могла поверить верная Долгу своему законная его Супруга до тех пор, пока о Слухах сих

была хотя бы тень Сомнения». Эта запись была найдена исследователем совершенно случайно, когда он разлепил два листа книги, которые были специально и довольно тщательно склеены и пронумерованы как один лист.

Чарльзу Варду сразу стало ясно, что он нашел до сих пор неизвестного прапрапрадеда. Открытие это взволновало его вдвойне, потому что он уже слышал кое-что о Карвене и находил в старых текстах неясные намеки, относящиеся к этому человеку, о котором осталось так мало доступных сведений; некоторые документы были выявлены лишь в последнее время.

Создавалось впечатление, что существовал какой-то заговор, целью которого было полностью изгнать из памяти жителей города имя Карвена. Но те воспоминания, которые сохранились о нем, и дошедшие документы были настолько странными и пугающими, что невольно возникало желание узнать, что же именно так тщательно пытались скрыть и предать забвению составители городских хроник колониального времени — надо полагать, у них были для этого достаточно веские причины.

До своего открытия Чарльз Вард относился к Карвену с чисто романтическим интересом; но, обнаружив, что состоит в родстве с этим таинственным субъектом, само существование которого пытались скрыть, он начал систематические поиски, буквально выкапывая из-под земли все, что касалось этого человека. В лихорадочном стремлении узнать как можно больше о своем отдаленном предке он преуспел больше, чем мог даже надеяться, ибо в старых письмах, дневниках и мемуарах, найденных им на затянутых густой паутиной чердаках старых домов Провиденса и во многих других местах, содержалось немало сведений, которые не казались писавшим настолько важными, чтобы их скрывать. Дополнительный свет пролили важные документы из столь далеко расположенного от Провиденса города, как Нью-Йорк, где в музее Френсис-Таверн на Лонг-Айленде хранилась пе-

СЛУЧАЙ ЧАРЛЬЗА ДЕКСТЕРА ВАРДА

реписка колониального периода. Но решающей находкой, которая, по мнению доктора Виллета, послужила главной причиной случившегося с Чарльзом Вардом, стали бумаги, найденные в августе 1919 года за облицовкой полуразрушенного дома в Олни-Корт. Именно они открыли перед юношей путь к черной бездне глубочайшего падения.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРЕДЫСТОРИЯ И ТРАГЕДИЯ

1

Согласно легендам, передававшимся изустно и частью сохранившимся в найденных Вардом документах, Джозеф Карвен был поразительным, загадочным и внушающим неясный ужас субъектом. Он бежал из Салема в Провиденс — город, традиционно дававший приют всему необычному, свободному и протестующему, — в самом начале великой охоты на ведьм, опасаясь, что будет осужден из-за своей склонности к затворничеству и весьма подозрительным химическим или алхимическим экспериментам. Это был человек довольно бесцветного вида, лет под тридцать; очень скоро его сочли достойным стать полноправным гражданином города Провиденс, и он купил участок для постройки дома к северу от дома Грегори Декстера, в начале Олни-стрит. Его дом был возведен на холме Стемперс к западу от Таун-стрит, в месте, которое позже стало называться Олни-Корт; а в 1761 году он перестроил этот особняк, в том же виде сохранившийся до сих пор.

Первая странность Джозефа Карвена заключалась в том, что он как будто совершенно не старел и всегда выглядел так же, как по прибытии в Провиденс. Он приобрел верфи близ Майл-Энд-Ков, снаряжал корабли, принимал участие в перестройке Большого моста в 1713 году и был в числе основателей церкви Конгрегации в 1723-м, и при этом всегда казался человеком неопределенного возраста, однако не стар-

ше тридцати — тридцати пяти лет. Когда прошло несколько десятилетий со времени его прибытия в Провиденс, это странное явление было замечено всеми; Карвен всегда объяснял его тем, что предки его были людьми крепкими, а сам он предпочитает простую жизнь без излишеств, благодаря чему смог хорошо сохраниться. Горожанам было не совсем ясно, как можно согласовать слова о простой жизни с постоянными ночными путешествиями купца, никого не посвящавшего в свои тайны, а также со странным светом, который всю ночь виднелся из его окон; и они были склонны приписать его молодость и долголетие совсем другим причинам. Многие считали, что он обязан этим химическим опытам, постоянному смешиванию и выпариванию разнообразных веществ. Поговаривали о каких-то подозрительных субстанциях, которые он привозил на своих кораблях из Лондона и с островов Вест-Индии или выписывал из Ньюпорта, Бостона и Нью-Йорка; а с той поры как старый доктор Джейбз Бовен по приезде из Рехобота открыл напротив Большого моста свою аптеку под вывеской «Единогор и ступка», начались разговоры о разных зельях, кислотах и металлах, которые молчаливый отшельник покупал и заказывал у доктора. Подозревая, что Карвен обладает чудесными, никому, кроме него, не доступными медицинскими знаниями, множество людей, страдающих разными болезнями, обращались к нему за помощью. Но хотя он всегда давал им в ответ на их просьбы декокты необычного цвета, было замечено, что его советы и лекарства приносили очень мало пользы. Наконец, когда прошло свыше пятидесяти лет с того дня, как он поселился в городе, а между тем его лицо и весь внешний вид свидетельствовали о том, что он постарел от силы лет на пять, по городу поползли зловещие слухи — и теперь уж люди были довольны, что Карвен ни с кем не общается, предпочитая одиночество.

Частные письма и дневники, относящиеся к тому времени, рассказывают и о многих других причинах, по которым люди дивились Джозефу Карвену, боялись его и наконец стали избегать как чумы. Всем известна была его страсть к посещению кладбищ, где его видели в любое время суток и при разных обстоятельствах, однако никто не мог обвинить его в каком-нибудь святотатственном деянии. У него была ферма на Потаксет-роуд, где он обыкновенно проводил лето и куда, по свидетельству очевидцев, часто направлялся верхом в жаркий полдень или в самое глухое время ночи. Там его единственными слугами и работниками была супружеская чета индейцев из племени наррагансет — немой мужчина, покрытый какими-то странными шрамами, и его жена, неимоверно уродливая, может быть, из-за примеси негритянской крови. В пристройке к дому помещалась лаборатория, где проводились химические опыты. Любопытные возчики и рассыльные, которые доставляли на ферму бутылки, флаконы, мешки и ящики, внося их через низкую заднюю дверь в комнату с множеством настенных полок, делились своими впечатлениями о виденных там плоских стеклянных колбах, тиглях для плавки металлов, перегонных кубах и жарко пылающих печах; они пророчествовали шепотом, что молчаливый «химик» (они хотели сказать «алхимик») скоро обязательно найдет философский камень.

Ближайшие соседи Карвена — Феннеры, жившие за четверть мили от фермы, — рассказывали еще более удивительные вещи о звуках, которые ночью доносились из сельского дома Карвена. Это были пронзительные вопли, говорили они, и какой-то сдавленный вой; им казалось подозрительным, что на ферму доставлялось по разным дорогам огромное количество всякой еды и одежды, так как трудно было вообразить, чтобы одинокий пожилой джентльмен и пара слуг могли съесть столько молока, мяса и хлеба и износить столько комплектов прочного шерстяного платья. Каждую

неделю доставлялись новые припасы, а с ферм Кингстауна гнали целые стада скота. Мрачное впечатление оставляло также большое каменное здание во дворе фермы, у которого вместо нормальных окон были прорезаны узкие бойницы.

Бездельники, день и ночь шатавшиеся по Большому мосту, многое могли рассказать и о городском доме Карвена в Олни-Корт — не столько о его новом особняке, построенном в 1761 году, когда отшельнику должно было исполниться сто лет, сколько о его первом доме, низеньком, со старинной мансардой, чердаком без окон и стенами, обшитыми тесом. После сноса этого дома Карвен очень внимательно проследил за тем, чтобы все бревна и доски были сожжены. Этот дом был не таким загадочным в сравнении с фермой — однако свет в его окнах, появлявшийся в самые неурочные часы, несокрушимое молчание двух чернокожих, вывезенных неведомо откуда и бывших единственной прислугой в доме, внушавшее ужас неразборчивое бормотание невероятно старого француза-домоправителя, ни с чем не сообразное количество пищи, доставляемое, по свидетельству очевидцев, в дом, где проживало только четыре человека, странные и пугающие голоса, которые вели приглушенные споры в совершенно неподходящее для этого время, — все это вместе со слухами, ходившими о ферме в Потаксете, принесло этому месту недобрую славу.

В высшем обществе Провиденса также не обходили вниманием дом Карвена, ибо по приезде сюда он постепенно обзавелся связями в церковных и торговых кругах, к которым естественным образом принадлежал по своему образованию и воспитанию. Он был из хорошей семьи — салемские Карвены пользовались широкой известностью в Новой Англии. В городе узнали, что Джозеф Карвен еще в ранней юности много путешествовал, некоторое время прожил в Англии и совершил по крайней мере две поездки на Восток; его речь, когда он достаивал кого-нибудь разговором, вполне могла исходить из уст образованного и изыс-

канно воспитанного англичанина. Но по неизвестным причинам Карвен не любил общества. Никогда не проявляя явной невежливости к посетителям, он был чрезвычайно сдержан, словно воздвигая между ними и собой невидимую стену, так что гости не знали, о чем вести беседу, опасаясь, что их слова будут сочтены нелепыми и глупыми.

В его поведении сквозило какое-то загадочное, презрительное высокомерие, словно он, общаясь с некими неизвестными и могучими существами, стал считать людей скучными и ничтожными. Когда доктор Чекли, знаменитый острослов, назначенный пастором в Королевскую церковь, приехал в Провиденс из Бостона в 1733 году, он не упустил случая посетить человека, о котором так много слышал; но визит был весьма кратковременным, потому что он уловил некий мрачный подтекст в речах любезного хозяина. Однажды зимним вечером, когда Чарльз беседовал со своим отцом о Карвене, юноша сказал, что много дал бы, чтобы узнать, какие слова таинственного предка так поразили жизнерадостного пастора, при том что все составители мемуаров в один голос подтверждают нежелание доктора Чекли повторить хоть что-нибудь из услышанного. Несомненно одно: сей достойный джентльмен был поистине шокирован и с тех пор при одном упоминании имени Карвена вмиг лишался своей прославленной веселости.

Более определенной и ясной была причина, по которой еще один образованный и почтенный человек избегал общества высокомерного отшельника. В 1746 году мистер Джон Меррит, пожилой английский джентльмен, имеющий склонность к литературе и науке, приехал из Ньюпорта в Провиденс, который к тому времени уже затмил былую славу Ньюпорта, и построил красивый загородный дом на Перешейке, в месте, которое сейчас стало центром лучшего жилого района. Он жил как английский аристократ, окружив себя комфортом и роскошью, первым в городе стал держать коляску с ливрейным лакеем на запятках и очень гор-

дился своими телескопом, микроскопом и тщательно собранной библиотекой, состоящей из книг на английском и латинском языках. Услышав, что Карвен является владельцем лучшего собрания книг в городе, мистер Меррит сразу же нанес ему визит и был принят с гораздо большей сердечностью, чем кто-либо из прежних посетителей. Его восхитила огромная библиотека хозяина дома, где на широких полках рядом с греческими, латинскими и английскими классиками разместилось солидное собрание философских, математических и прочих научных трудов, в том числе сочинения Парацельса, Агриколы, Ван Хельмонта, Сильвиуса, Глаубера, Бойля, Бургаве, Бехера и Шталя. Это искреннее восхищение побудило Карвена предложить своему гостю посмотреть также ферму и лабораторию, куда он никого прежде не приглашал; и они тотчас же вместе отправились туда в коляске Меррита.

Мистер Меррит говорил впоследствии, что не видел на ферме ничего действительно ужасного, но утверждал, что сами названия сочинений, посвященных магии, алхимии и теологии, которые Карвен держал в комнате перед лабораторией, внушили ему непреодолимое отвращение. Возможно, этому немало способствовало и выражение лица хозяина фермы, когда он демонстрировал свои приобретения. Странное это собрание, наряду со множеством редкостей, которые мистер Меррит охотно поместил бы, по собственному его признанию, в свою библиотеку, включало труды почти всех каббалистов, демонологов и знатоков черной магии; оно было также настоящей сокровищницей знаний в подвергаемой здравомыслящими людьми сомнению области алхимии и астрологии. Мистер Меррит увидел здесь Гермеса Трисмегиста в издании Менара, книгу «Turba Philosophorum», «Книгу исследований» Аль-Джабера, «Ключ мудрости» Артефия, каббалистический «Зохар», Альберта Великого в издании Питера Джемми, «Великое и непревзойденное искусство» Раймунда Луллия в издании Зетц-

нера, «Сокровищницу алхимии» Роджера Бэкона, «Ключ к алхимии» Фладда, сочинение Тритемия «О философском камне». В изобилии были представлены средневековые еврейские и арабские мистики, и доктор Меррит побледнел, когда, сняв с полки том, носящий невинное название «Закон ислама», увидел, что в действительности это запрещенный и подвергнутый проклятию «Некрономикон» — книга безумного араба Абдула Альхазреда, о которой он слышал невероятные вещи несколько лет назад, когда вскрылась правда о чудовищных обрядах, совершавшихся в странном рыбацком городке Кингспорте, в колонии Массачусетс.

Но как ни странно, сильнее всего достойного джентльмена поразила одна мелочь, которая внушила ему неясное беспокойство. На большом полированном столе лежал сильно потрепанный экземпляр книги Бореллия, на полях и между строк которого было множество загадочных надписей, сделанных рукой Карвена. Книга была открыта почти на середине, и строчки одного параграфа были подчеркнуты жирными неровными линиями, что побудило посетителя прочесть это место в сочинении знаменитого мистика. Содержание ли подчеркнутых строк или особый нажим проведенных пером линий, почти прорвавших бумагу, — он не мог сказать, что именно внушило посетителю непонятный ужас. Он помнил этот отрывок до конца жизни, записал его по памяти в своем дневнике и однажды попытался процитировать своему близкому другу доктору Чекли, но не дошел до конца, увидев, как это потрясло добрейшего пастора. Отрывок гласил:

«Главные Соки и Соли (сиречь Зола) животных таким Способом приготавлиемы и сохраняемы быть могут, что Муж Знающий в силах собрать в Доме своем весь Ноев Ковчег, вызвав к жизни из праха Форму любого Животного по Желанию своему; подобным же Способом из основных Солей, содержащихся в человеческом Прахе, Философ может,

не прибегая к запретной Некромантии, воссоздать Форму любого Усопшего Предка, где бы его Тело погребено ни было».

Однако самые зловещие слухи ходили о Джозефе Карвене возле доков, расположенных вдоль южной части Таун-стрит. Моряки — суеверный народ, и просоленные морские волки, из которых состояли команды шлюпов, перевозивших ром, рабов и патоку, каперов и больших бригав, принадлежащих Браунам, Кроуфордам и Тиллингестам, осеняли себя крестным знамением и скрещивали пальцы, когда видели, как худощавый и обманчиво молодой, желтоволосый Джозеф Карвен, слегка сгорбившись, заходил в принадлежавший ему склад на Дублон-стрит или разговаривал с капитанами и суперкарго на длинном причале, у которого беспокойно покачивались принадлежавшие ему корабли. Даже служащие и капитаны, работавшие у Карвена, боялись и ненавидели его, а команды его судов были сбродом смешанных кровей с Мартиники или Голландских Антил, из Гаваны или Порт-Ройала. По правде говоря, именно то обстоятельство, что команды Карвена так часто менялись, было основной причиной суеверного страха, который моряки испытывали перед таинственным стариком. Обычно команда, получив разрешение сойти на берег, рассеивалась по городу, а некоторых моряков посылали с разными поручениями. Но когда люди вновь собирались на палубе, можно было биться об заклад, что одного-двух обязательно не досчитаются. Эти поручения большей частью касались фермы на Потаксет-роуд, и ни одного из моряков, отправленных туда, больше не видели. Все это знали, и со временем Карвену стало очень трудно подбирать свою разношерстную команду. Почти всегда, послушав разговоры в гавани Провиденса, несколько человек сразу же дезертировали; проблемы возникали и с пополнением экипажей на островах Вест-Индии.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛУЧАЙ ЧАРЛЬЗА ДЕКСТЕРА ВАРДА <i>Перевод Р. Шидфара</i>	5
СИЯНИЕ ИЗВНЕ <i>Перевод И. Богданова</i>	177
СНЫ В ВЕДЬМИНОМ ДОМЕ <i>Перевод Е. Нагорных</i>	227
МГЛА НАД ИНСМУТОМ <i>Перевод О. Алякринского</i>	287
ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ <i>Перевод О. Мичковского</i>	379
ЗА ГРАНЬЮ ВРЕМЕН <i>Перевод В. Дорогокупли</i>	419
ИНЫЕ БОГИ <i>Перевод В. Дорогокупли</i>	515
СОМНАМБУЛИЧЕСКИЙ ПОИСК НЕВЕДОМОГО КАДАТА <i>Перевод О. Алякринского</i>	525
Примечания. <i>В. Дорогокупля</i>	659

Литературно-художественное издание

ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ
ИНЫЕ БОГИ И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Анны Скурихиной
Корректор Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 03.07.2018. Формат издания 60 × 90 ^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 42.
Заказ № .

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах

на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-ILN-16101-06-R